

Валерий Валесов

Родился 6 января 1960-го в Днепрпетровске. Учился в Московском историко-архивном институте, после работал в Институте истории при АН Украины в Киеве. В 1992 году поехал посмотреть «другой мир» и задержался в Германии на 20 лет. Писать стихи начал в школьные годы, долго искал себя и страшно измучился на этом пути. Пока не понял, что главное для поэта – чувство Родины, родного дома, а всё остальное: искусство, любовь к женщине, философия и прочее, – приходит позже, с годами и опытом.

Разгулялась Россия-пацанка – Десять сотен как нету годков. Эх, шарманка моя, лихоанка, Вот и я на закланье готов.

Нет вины тебе, нету предлюдей, Только жизнь да коровий туман. Твои дети – бедовые люди – Опрокинули Мира стакан.

Веселимся судьбе на потеху, Умираем на липком снегу. Сколько золота, выстрелов, смеху На чужом и на нашем брезу!

Подустали заморские страны, Не поймут нашу белую грусть.

Хоть по-прежнему лапти и драны – Хороша ты, Московская Русь!

Березняк запрудил перелески, Медвежата не слушают мать, Летописные кони-подвески Порываются дальше скакать;

Илья Муромец хрустнул плечами, Ярославна слезу уняла, Белобог прилетает с грачами Потревожить уздечкой вола.

Протоптали уж к церкви дорожку, Не приладим лишь дедушкин плуг. Эх, гармошка моя, понемножку Разбивай заколдованный круг.

Млечные тропинки

Подули ветры северо-востока, Подули неожиданно светло. Пусть человек распахнет высоко И где течёт – чтоб радостней текло.

Шерстить судьбу – забавно и жестоко, По правде, это сделать нелегко, Ведь люди сотворились из потока И души наши – звёздное тепло!

А руки наши – млечные тропинки – Метались Козерогом и Стрельцом. Ты помнишь предрассветные картинку... И Кто склонился к нам с живым лицом?

Качаются две ягодных корзинки, Подбитые листвой и чабрецом.

Гоголю

Спалил... Высока дорога! Второй – Небесам читать. И так перепало много, Не знаем, куда девать.

Придётся самим домyslить, Что нас возлюбил Христос. Мы только с Шинели вышли – Как вновь напраказил Нос.

Микола, твоё рожденье! Гуляем и вдо́ль и вкось. Коробочки варенье На душеньки пролилось.

О, юность! любви отрада, Весёлый летящий взгляд, Свеченье ночного сада И детства купальский клад.

Пусть тройка кому, пусть – койка. Землёю перекрещусь. Стучит под друиной стойко Терновое слово «Русь».

Бывает, ночью остролюнной, Когда немеет мир земной, Я опоясываюсь думой, Любимой, мёртвой и простой.

Опять знакомые осколки Мою раскачивают сень. Дома, как склепы, приуменьши, Переползая в новый день.

С луной кокетничают розы, Живые тени на стене,

Мираж... Пустыня... Чьё-то слово...

И, как чумацкие обозы, Плетутся образы в окне.

Я голышом иду навстречу Стране невидимой своей, Лишь темноту собой калечу, Не расстаюсь всё же с ней.

Опять весна, опять надежды, Опять безумная мечта. Утрами радуются вежды, Но косты устала – непрочна.

Лишь в пику лёгкого невежды Строка по-прежнему мрачна, А мысль по-прежнему точна – Без задней мысли и без «между».

Люблю парнасские свиданья. Любого бога разорю Но, унижённый до иззнанья, Я возвращусь, я воспарю!

И эмигрантские посланья, Как старый глобус, подарю.

Мне грустно, девочка моя... Опять хрустальные слезинки,

В которых милые края И невесёлые картинки.

Усталый вечер, душный свод, Неразбериха в мирозданье... А молодой соседский кот Спешит на тайное свиданье.

Удачи, кот!.. А ты не плачь Да улыбнись, как ты умеешь. Солонват любви калач, От жажды вдру осатанеешь.

О, жертвы тленной красоты, Самоуверенны и хлестки! Спасут весенние цветы, Поймут осенние берёзки.

Всё правильно – и в этом суть! Так скоро мы лишимся тени,

На свете нет тоски такой. Которой слез бы не выливал. Б. Пастернак

Неплохо страннику живётся: И щц, и каша, и Париж; Семейство вхохчет и несётся, Гнездо над рамой сладил стриж.

Деревья ластятся листвою, Поля прорезали порог. Мальчишка – летом и зимою, Весной и осенью я – Бог!

Ты весела; очаг согрела, Заботой тихую мяня... Мой конь от мысли угорелой Весь в мыле, временем храпя,

И снег чужбины страшно белый Не может вылечить коня.

Прогалины, выступы, мели, Поэта гомеровский срез. У Чёрного моря купели, Две грации лунных поээ.

Солёные дикие трели, Слянный морских глубина. Нас волны рождали и пели, Любовь возносила волна.

Бульжники зрели дарам, Вращались пути берегов. Тебе я поклялся словами, Стихия молила без слов.

Расхристанный, резаный ветер Разбил твои волосы в крик; Казалось, Венеру я встретил И крестным знаменьем проник.

Стражи тишины, кипарисы Обвеяли солнце сердец... Но, странно, дорогою крысы Тащили в плен пару колец.

О любви не устал я петь. Звёзды гуще небес самих. Я в напевах и строг, и лиж – Посему им всегда звенеть!

Дождик стелет косую плеть. На лице искажился стих – Закурил, закутил и стих, Не дыша на младую ветвь.

Сновидений сухая сень, Соответствий сплошная стена, Сердцевины синее склянь.

Драпировщик дострочит день, Домовой допивает: дзень, Дикари довершают дань.

Полночь. Голос. Первый снег. Ослепленный Град. От себя таю побег В десять лет назад.

Помню жуткую метель, Поцелуя срез, Ветра бешеного трель, Крыленный лес;

Удивлённые зрачки, Тёплое лицо; Вомянистые клочки, Взятые в кольцо;

Сада детского грибок, Узенький подъезд, А луны мятежной рок Метты стлал окрест;

Нет небес и нет земли – Страсти круговерть; Проходила меж любьми Чародейка Смерть.

Наглогались мы кадил И шмыгнули в грот... Наконец-то наступил Новый Новый год...

Я давно не подаю – Дух дышит в дожде... Сказку зымнюю твою Расскажу везде.

Огнём любви, звездой России Пустое время напою. Три петуха проголосили, А я по-старому пою.

Россия вздрагивает хлипко, Но струны вечно живут. Что надо, золотая рыбка? «Спаси, в путаны продают!»

Взмолвились персонажи, краски, Пестунья Бабушка-Яга: Забрала ступу, венки, шашки... Костыль заначила, карга...

Раскрепощая мёртвой зыбью, Святая Русь не видит снов. На безответность бледно-рыбью Надет пророческий оков.

Непротивленна, часом гневна, В тебя – что верь и что не верь. Церквушка, теремок, царевна... Ни звука более теперь.

Христос Ослепленный Град. На дне колодца неживого Застыла чёрная слюна. Мираж.

Чьё-то слово. Во рту разбитая слюда.

Сгорели руки, струнья виснут... Корявый посох вдруг расцвёл... И губы реут солёну вишню, И в головах сидит орёл.

«Приду небесною гондолой, Приму безумные стада. На дне души моей весёлой Вскипела красная вода».

Валентина
Коростелёва

Родилась в Кирове. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. С 1982 года живёт в Подмосковье. Стихи и рассказы публиковались во многих журналах, звучали на Всесоюзном, а позднее на российском радио. Автор 10-ти поэтических книг, в том числе сборника «На тайном берегу»; книги рассказов и повестей «Звёзды на снегу», «Парнас, рискованная высь»; «И цвет, и соль земли родной», книги для детей «Петушиный царь». Член Союза писателей России, лауреат и дипломант Международных литературных конкурсов им. Анны Платорова, Алексея Толстого, Антона Чехова, «Добрая лира». Заслуженный работник культуры РФ. Активно участвует в культурной жизни г. Железнодорожно, помогает молодым талантам.

...И вот они, апрельские дожди, Промоют город и промоют души, И запоят, и будут нежить уши, И мило врать, что счастье впереди...

И ладно, мне уже не привыкать, Сама судьба не держит обещанья, И черти собирают совещанье, Рукают так, что до утра икать.

А за окном – апрельские дожди, И в срок урочный набухают почки, И что ни почка – на уныньи точка, И всё ещё, ей богу, – впереди!

Два портрета

Эх, была дорога – без конца, А теперь кончена, между прочим.

Два портрета – мамы и отца – Смотрят на меня и днём, и ночью.

Далеко угас отцовский след, – Только скромный памятник на месте. Через много горьких, тяжких лет Вот они, родные, снова вместе.

Молодые – хоть опять к венцу... Ну, а мне – так жить стараться, видно, Чтобы горько не было отцу, Чтобы маме не было обидно...

Хорошо бы...

Хорошо бы не растеряться В том лесу, где жиреет зло, Хорошо бы ещё улыбаться, Как бывало, легко и светло,

Быть весёлой и даже нарядной, Коли праздник взовётся вновь... Хорошо бы в глазах ненаглядных То и дело светилась любовь!

Хорошо бы земные уроки Не оставили сыпть на меже, А мои задушевные строки Снова вспыхнули в чьей-то душе,

И расправились крылья, как прежде, Приголубил, как было, Парнас... Хорошо бы поверить надежде, Что Господь не оставит и нас...

Ветка белой сирени

Ветка белой сирени Озарил мой дом.

Станет день беспокойный милее, Только вспомнишь подарок судьбы: И тенистые эти аллеи, И былинные эти дубы,

Как всходили на травах рассветы, Развевая фантазии пух... Это щедрое русское лето И Малеевки творческий дух!..

Победили ребята!..

Не погасли в утрагах, Радость чувствуем кожей. Победили ребята! Значит – всё-таки можем.

Значит, есть ещё порохи, Есть огонь в наших душах, Значит, нет ещё горюк, Что Россию разрушат!

Как пошли, аты-баты, По воротам палить!.. Молодые ребята Дали всем прикурить.

Были слёзы, не скрою, Пело в сердце тепло... Значит, время героев В бездну лет не ушло!

Слово, словушко...

Было – речь цвела голубою, С красотой вставала в ряд... А слова – сухие, грубые –

Ветка белой сирени...

Миг любви и смиренья, Остальное – потом.

Будто к сердцу прильнула – И нежна, и бела, Будто ключ повернула, Красотой обвила.

И напомнимла кротко, Что упрям человек И о том, что короток Нашей нежности век.

Подарок судьбы

Хорошо, если это приснится, Если память бессонна в крови: Нас будили рассветные птицы И настойчиво звали к любви.

И пускай та мелодия длится Среди многих желаний и дел – Дом в колоннах, певучие птицы И хмельная отзывчивость тел.

Души поедом едят. Эти волны – злые, вредные – Норовят упрятать Русь... Слово, словушко заветное, О тебе давно молось!

Игра

Высвечивают вновь прожектора Очередного князя и мессю, Опять идёт великая игра Сердцами и растерянной Россией.

И жизнь проходит в этой кутерьме, Порой игривой, а порой кошмарной, И вновь совсем не те, не те в тюрьме, А те опять живут себе шикарно.

Россия-мама, милая земля, Где наши души брошены на рынок, Я так боюсь – и разве только я?! – Что в плен тебя возьмут – и сердце вынут...

Мной, как тканью голубую, Заигрался май-ветряк.

Шёлк вокруг упругих ног То уложит он спиралью, То лазерной эмалью вверх струит!

Волос венюк то сплетёт, то расплетёт... Май, сводя с ума цветами, поведёт меня садами...

И добавит мне забот: ты серьёзен, даже строг. Неужели так заметно, что и я по-майски ветрена

в майский ветренный денёк?!

Беатриче

Не надо со мною быть «умным». Будь просто, как вечер, хорошиш. Искристую жёсткой порошей прохрупай по улицам лунным...

Зайди в угловой магазинчик, как в ярких рекламных буклетах, там осень осталась в букетах – и выбери пару «странничек».

За тортом и чаем с малиной сезоны сместятся неспешно... Я буду Любовью, Надеждой и Верой...

Сегодня – Галина. Когда-то звалась и Джульетта, но вечно – твоя Беатриче! В различные с виду обличья одна я и та же одета.

Апрель

Сквозь весну, улыбок раскосую, ароматом плыву абрикосовым... Всплеском розовым, зовом цветения... Миг везения!

Повезло, апрелем отмеченной, быть весной совершенною женщиной, быть загадкой улыбки насущной жизни сущей.

Безупречно (засекреченно!) вся – к тебе, до апреля не встреченному. Может, к первому, может, к последнему...

Но не вслед ему, до-весеннему.

Ветряк

К телу льнёт прозрачный шёлк льющийся, ластящейся кошкою... Даже туфелька на ножке в угодженьи знает толк, обнимаясь – ладно так! – с изогнувшейся столпою.

и я останусь! Одолима мечта лишь здесь: неутомимы инстинкт, дорога и тоска.

Тоска... Конечно, о себе, как о немыслимой свободе, где всякий Господу угоден. Где начат путь и – на исходе. Где с правдой ложь в одной молебне. ...Польстите мне.

Утождение

До чего же я изюмиста: что ни мысль – ну, всё изюминка! Ах, как я нежна да бархатна: голосочек – слово сахарно.

Шелковиста я, как ленточка, а гибка, как ивы веточка! Я и прелезничная ёлочка, и преданная Дюймовочка... Но тебе... не угодишь.

Вот я – львица кровожадная. Эх, душа моя бравадная, не с одной в неделе пятницей, так буйна – тебе не справиться! В общем (так же, как и в частности!), твоя покой, считай, в опасности.

Гнуты на пиле зазубрины – жизнь распилена, заублелена... Ясно: мне... не угодишь.

Мы, угрою утомянные, сядем рядышком, влюблённые... Хорошо мне, знаю точно я, быть собой! В день этот солнечный мы друг другу... угодим.

На одувачиковом белом парашюте

Ещё с весны готовился десант, ведь с чувственной стихией нешутят.

Эх, душа моя бравадная...

На одувачиковом белом парашюте спустился август на июльский сад! Покрыв шатёр пылающую землю, обмякших птиц и ниточный ручей... И на моём, от солнца бронзовом, плече лежит, опав сиреневою тенью.

И охнув, покатило по траве, забрызгивая сад горячим соком, большое яблоко, созревшее до срока. И, как от сна, очнулся соловей.

Непросто приручить июльский зной – слыши, кто на любовь так щедр и смел! Не потому ли только август и сумел с июлем совладать? ...Как и со мной.